

УДК 327.001

Рецензия

О. Л. Воронин

*Московская международная высшая школа бизнеса (МИРБИС),
г. Москва*

Рецензия на книгу Дм. и И. Гузевич «Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути 1697–1698» (СПб. : Издатель «Дмитрий Буланин», 2008–2009. 2 т.).

Ключевые слова: социальная сеть, сильные и слабые социальные связи, структурные дыры.

В редакционной статье первого номера еженедельника «Эксперт» за 2010 г., полностью посвященного историческому и географическому измерению модернизации, справедливо отмечается: «Бессмысленно рассуждать об успешности или пагубности того или иного варианта модернизации вне реального исторического контекста... Модернизация как прорыв к некоему идеалу современного государства, словно вектор, имеет начальную и конечную точку. Начальную – конкретную страну с ее проблемами и возможностями, историей и географией. Конечную – идеал современности, который зачастую подвержен переменам, иной раз стремительным. Да и прошлый исторический опыт может быть полезен, только если четко понимать, где мы находимся относительно этого самого прошлого».

Санкт-Петербургская историческая школа, несомненно, имеет приоритет в изучении эпохи грандиозных петровских реформ, это обусловлено, в частности, и доступом к богатейшим архивам и библиотекам «культурной столицы России». А список петербургских/ленинградских исследователей петровской эпохи от купца Голикова до академика Михаила Богословского и д-ра ист. наук Евгения Анисимова насчитывает не одну сотню имен. Что же нового внесли молодые исследователи в концептуальное понимание переломного для России рубежа XVII–XVIII вв.?

Социолог Игорь Клямкин делит российские модернизации на две группы: технологические и социально-политические. Технологическая модернизация Петра, с его точки зрения, была «сугубо принудительной и предельно милитаризированной», но исследователь подчеркивает: «Она... была достаточно успешной в рамках тех целей, которые перед ней ставились. В результате, удалось создать достаточно современную, по тем временам индустрию, на порядок увеличить количество мануфактур и перейти на современный для того времени технологический уровень, прежде всего в производстве вооружения, в тех сферах, которые обслуживают непосредственно армию, и страна практически управлялась так, как управлялась армия. Да, эта модель позво-

лила России стать военной европейской державой. Это была модернизация, которая сводилась к заимствованию уже готовых инноваций за рубежом и их переносу. Поэтому такая модернизация (как, впрочем, и все прочее) приводила к тому, что эта попытка догнать сменялась новым отставанием. Потому что не выходили из экстенсивного способа развития, а переводили экстенсивность на новый технологический уровень».

В целом, разделяя эту концепцию, авторы двухтомника на почве конкретно-исторических исследований, опираясь на богатейший документальный материал европейских и российских архивов и давая обширный критико-библиографический анализ (2-й том исследования – 800-страничная библиография истории Великого посольства (далее – ВП) на английском, немецком, голландском, польском и французском языках), реконструируют историю двухгодичного путешествия нескольких сотен русских людей во главе с царем и ведущими дипломатами Московского государства в Германию, Нидерланды, Англию, Австрию и Венецию с целью...

Вот тут-то и начинаются проблемы! Профессор Анисимов утверждает: «Ни новые, ни старые публикации не дают удовлетворительного ответа на вопрос, зачем поехал в Европу Петр и что он там так долго делал?» Большинство исследователей XIX–XX вв. как в России/СССР, так и за рубежом главной целью ВП считают поиски союзников для продолжения войны с Турцией и Крымским ханством, после успешного взятия Азова. Это же повторяет Алексей Толстой в романе «Петр I», известном всем старшеклассникам и названным литературным секретарем Толстого Олегом Волковым «гениальной компиляцией». Но если это так, то историки международных отношений должны признать, что эти планы потерпели полный крах, а антитурецкая коалиция Австрии – Польши – Венеции и Московии распалась меньше чем через два года. Так в чем же историческое значение ВП, о котором даже классик исторической мысли Томас Маколей сказал: «Его <Петра I > путешествие – эпоха в истории не только его страны, но и нашей, и всего человечества».

Д. и И. Гузевичи в своей монографии, изданной на базе двух диссертаций, защищенных в Парижском университете (PhD) и Парижской школе высших социальных исследований (DEA), дают неожиданный ответ: главная задача ВП – промышленный шпионаж и «перенос технологий и знаний» под легальной дипломатической «крышей».

«ВП изначально мыслилось как информационно-технический силовой прорыв, осуществляемый по дипломатическим каналам под личным руководством царя...или как массивованная акция по захвату и переносу в Россию технического знания в невиданных ранее масштабах, причем невиданных не только в истории России, но и в истории Европы. Вместе с промышленной, технической и военно-технической информацией ВП захватило единым «ковшом» огромный массив знания по всем сторонам европейской цивилизации...», и, следовательно этот «массив», перенесенный в Московию, может быть без особых натяжек охарактеризован именно как «европейская цивилизация» (или, точнее, слепок с нее). С современной точки зрения: шла осмысленная подготовка фундаментального переворота технократического харак-

тера, чьей основой должна была стать смена господствующего в стране технического режима.

Авторы в первом томе монографии выделяют несколько важнейших смысловых блоков, подкрепляя выводы обширной фактической аргументацией: 1) кому принадлежала идея посольства? 2) дипломатические или какие-то иные задачи были для ВП приоритетными? 3) реальная расстановка персоналий внутри ВП (а, следовательно, в руководстве политикой Московского царства); 4) деятельность ВП в Европе; 5) итоги ВП и его ближние и дальние последствия; 6) современные уроки этого грандиозного мероприятия и их актуальность.

Идея миссии в Европу, и авторы здесь не расходятся с предшественниками, вызрела под стенами турецкой крепости Азов в устье Дона. Как известно, русская армия под командованием ряда петровских генералов и при непосредственном участии царя дважды осаждала Азов и за полтора года (1695–1696) даже при морской блокаде взять крепость не смогла. По информации Н. Устрялова, «осада... велась каким-то фантастическим способом, напоминавшим осаду Херсонеса великим князем Владимиром в X в. (а точнее, методом осады персами греческих городов в V в. до н. э. – *Авт.*). Параллельно стенам Азова возводился земляной вал, который засыпал ров и поднялся выше стен. Ежедневно на строительство этой “пирамиды” выгонялось не менее 15 тыс. человек». (Напоминаем, что Устрялову – в XIX в. столпу концепции «официальной народности», унижать царскую Россию нужды не было. – *Авт.*) Наконец, 9–11 июля в армию прибывают 13 австрийских специалистов: три инженера, семь канониров и три минера. 12–14 июля они «устраивают» новую батарею. 16 июля ключевой угловой бастион крепости разрушен. 18-го турецкий комендант Азова начинает переговоры о сдаче, 21 июля русские занимают крепость. Исследователи формулируют это жестко: «...Использование привезенного технического знания позволило за шесть дней достичь цели, которой домогались полтора года». Факты говорят сами за себя.

Непосредственным инициатором ВП и его главным деятелем, конечно же, был любимец Петра генерал и адмирал Франц (Франсуа) Лефорт. Уже в январе он пишет родным в Женеву: «Московия будет вознаграждена тем, что ее государь приобретет здесь знания <...> нет никакого сомнения, что его страна получит большую пользу». В ходе работы ВП именно Лефорт является главным «мотором» важнейшей сферы деятельности посольства – закупок и найма специалистов. Авторы, работая в женевском архиве с письмами Лефорта, доказывают это каждой строчкой документов. И это явно не соответствует мнению советских историков, что Лефорт выполнял только «представительские функции». И вообще, реальный облик «русского швейцарца» явно не походит на имидж «дебошана и дамского угодника», каким предстает Лефорт на страницах романа Алексея Толстого. Авторы, основываясь на документах, в том числе и медицинских, того времени убедительно доказывают, что причиной его смерти стала открывшаяся рана, полученная в Азовском походе.

Список приобретений ВП в Амстердаме и Лондоне поражает не только разнообразием, но и функциональностью покупок: инструменты для черчения («квадрант медной..., линейю, что мадели чертят») и «бомбардирские» инструменты, судовые чертежи и модели судов (сразу по возвращении Петра в Воронеже был заложен 58-пушечный фрегат «Предестинация», явно по английскому «рецепту») и компасы (которых приобретено более 100), «инструмент, чем изо рву землю таскают» (всего же куплено в Голландии, Англии и Саксонии более 50 наименований), часы, причем все послы и вельможи приобретают «часы аглицкие», т. е. впервые встает вопрос соотношения «цена – качество». Иногда даже в юмористическом плане. За «чучела “каркодила” и меч-рыбы продавец просил 125 рублей, можно было купить дешевле, но меньшего размера» (невольно вспоминается Жванецкий с его «сегодня по три, но очень большие, завтра по два, но очень маленькие»). Список купленных членами ВП и лично Петром вещей читается как увлекательный роман (вспомним, что Юрий Олеся в своем «Дневнике...» писал, что не мог оторваться от списка найденных Робинзоном Крузо инструментов). Кстати, автор «Робинзона» был современником Петра, и авторы делают вполне обоснованный вывод, что Дефо мог видеть Петра во время его встречи с английским королем Вильгельмом III, чей парадный наряд едва не испортила петровская мартышка. Надо отметить, что в советской «Истории дипломатии» сбор и перенос информации как одна из целей ВП не указан вообще. Интереснейшие страницы исследования посвящены описанию процесса «контрактации» специалистов. Авторы отметили здесь совершенно новую тенденцию: ранее «...специалисты ехали в Московию, уповая на милость царскую, сейчас же глупые венецианцы не поддались на посулы: «пожаловав их нашим Цар. Велва жалованием...», а хотели заранее знать: «На сколько лет тех мастеров Цар. В-во желает для дела судов иметь и какое им давано будет жалованье и почему на месяц...и как будут отпущены в отчизну свою...и с каким удовольствием...». То есть статус «государевых холопов», именно в работе ВП по найму специалистов, был заменен статусом специалистов, работающих по контракту и находящихся под защитой своих консулов. Авторы утверждают, что именно это и спасло Джона Перри – руководителя неудавшегося строительства канала Волга–Дон. А рассказ А. Платонова «Епифановские шлюзы» о страшной казни англичанина – художественный вымысел (однозначно проводящий параллели со сталинской «модернизацией»). Кстати, даже наказания собственных подданных Петру приходилось смягчать в соответствии с «европейским» правом. Один из голландских очевидцев пребывания Петра в Голландии вспоминает: «Один князь и один вельможа его государства говорили с царем, по его мнению, слишком смело; они, как передают, советовали ему...побольше думать о своей славе и репутации. Но он за это так сильно рассердился, что велел обоих заковать в кандалы и посадил их под арест в старый Герен-ложемент в Амстердаме, решив отрубить им головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что в нашем государстве этого сделать нельзя. Они приводили разные доводы, стараясь отговорить его от исполнения этого жестокого намерения..., однако они достигли лишь того, что он

повелел одному отправиться в Ост-Индию, а другому в Суринам, и, говорят, это, в самом деле, было исполнено». Речь идет о замене 14/24 сентября 1697 г. казни четверых стольников ссылкой «для учения» в Батавию и Суринам (А. А. Нестеров, Ф. П. Леонтьев и князя И. С. Шаховской и Т. Шаховской). Сам Петр отвез их на корабли на подаренной ему яхте. Таким образом, абсолютизм, даже и «просвещенный», очень специфический инструмент модернизации. Символично и то, что первой покупкой посольства еще в Митаве был... топор палача (мамура).

Подробно проанализировав все документы найма специалистов, авторы получают цифру – более 900 мастеров: кораблестроителей, артиллеристов, строевых офицеров, врачей, горных инженеров, что вкупе с обучающимися в Европе «стольниками» и «детьми боярскими» дает колоссальную для тогдашней России цифру «агентов модернизации». Это ли не переворот в технологии? И как разительно это отличается от судьбы «первых ласточек» вестернизации. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин – один из предшественников Петровской реформы, автор «Ново-торгового Устава», уже в середине XVII в. о нем говорили в Москве: «Он знает немецкое дело и немецкие нравы». Высоко ценивший его царь Алексей Михайлович писал ему: «А служба твоя забвенна николи не будет», дав ему чины «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя». Однако сын его Воин, получив образование под руководством иностранцев, в 1660 г., недовольный московскими порядками, убежал за границу, «уворовал, презрев неизреченную к нему милость великого государя». Побывав в Германии, Франции, Голландии и Дании и прослужив несколько лет у польского короля, он в 1665 г. вернулся в Россию и был сослан в Кириллово-Белозерский монастырь «под крепкое начало», и освобожден только по заключении Вечного мира с Польшей (главной заслуги его отца). Он умер, не оставив потомства, в захолустном Галиче. Петровский же боярин Б. П. Шереметьев, тесно связанный с деятельностью ВП, как «турист» проехал Австрию и Италию, получил подарок от самого папы, добрался даже до Мальты, где, православный и женатый, получил рыцарский «мальтийский» крест (мальтийские рыцари давали обет безбрачия и подчинялись, естественно, папе Римскому. – *Авт.*), и такое неслыханное «вольнодумие» не помешало ему стать фельдмаршалом и крупнейшим военачальником петровского времени. Авторы монографии не зря называют вояжи Шереметьева и будущего русского посла в Турции П. А. Толстого «легальной дипломатической разведкой». Выявив еще несколько путевых журналов и установив, в некоторых случаях, их авторов, Д. и И. Гузевичи впервые оценивают масштаб операции «Великое посольство» и его итоги. Вопреки мнению М. Богословского и Е. Анисимова они считают, что миссия ВП была абсолютно успешной и в дипломатическом плане. «Официально заявленная миссия ВП по вовлечению европейских стран в войну против Турции и получению помощи для этой войны сокрушительно провалилась. Не афишируемая, но истинная дипломатическая цель – введение России в европейский концерт – блестяще удалась... благодаря этому в

...последующие 20 лет полностью изменилась геополитическая ситуация на севере Европы».

Заключая свое блестящее исследование, авторы отмечают: «В определенном смысле настоящая работа – признание удивительной силы “слабых связей” в истории. Но они крайне тяжело поддаются выявлению и описанию. Для этого требуется, как минимум, реконструкция сетей, по которым шло взаимодействие». И такая реконструкция авторами проводится, причем по таким важнейшим направлениям, как появление в Московской Руси нового (светского) книгопечатания, создание будущей Кунсткамеры (т. е. распространение на территорию России уже функционировавших в Европе сетей коллекционеров и «собирателей диковинок»), картография, проектирование и строительство, что великолепно и сжато сформулировано в главе «Корни Петербурга». Причем, по их мнению, «...традиционная культура великорусского этноса находилась в открытой оппозиции этому переносу, а освоением занималась мегакультура Российской империи или российская культура». Все это и есть исследование первых ростков « сетевого общества», не только в Европе, но и в России.

Занимаясь так называемыми «слабыми связями» (в отличие от «сильных» связей в устоявшихся группах), американские социологи-структуралисты профессор Стэнфордского университета Марк Грановеттер и Рональд Бэрт в своей теории «структурных дыр» говорят об их силе. «Они предотвращают изоляцию автономных групп и целых обществ, выравнивают, насколько это возможно, уровень информированности и обеспечивают взаимопроникновение обособленных ценностных миров. Слабые связи свойственны сетевым организациям и рыночным обществам и поддерживают процессы информационного влияния». Понятие же « сетевого общества» как раз обозначает новый подход к изучению социальных явлений, находящийся на стыке информатики и социологии. Речь не идет о перенесении технических понятий в сферу социальной науки – процедуре столь же сомнительной, сколь и непродуктивной. Задача состоит в самостоятельном исследовании процесса возникновения совершенно нового качества социальной коммуникации, стремительным образом трансформирующего институты и практики современного общества. И здесь «историческое измерение модернизации», данное в книге Д. и И. Гузевичей, наталкивает на любопытные выводы и аналогии. Проблема тут шире и глубже чисто исторического исследования: что происходит, когда знания и технологии нового времени усваиваются архаичной социокультурной и политической системой? И насколько эта система способна их усвоить? Особый вопрос – работают ли они на благо людей, и если да, то при каких условиях? Или для этой системы остается основным трендом безразличие и небрежение к человеку?

Впрочем, сам процесс переноса знаний как «объективная реальность» (по-марксистски) неостановим; как выразился один умный критик: «В сущности, человечество есть не что иное, как система переноса чего угодно куда потребуется. И в пространстве, и во времени, и только так обеспечивается переход всего общества на новый уровень».

Review

O. L. Voronin

Moscow International MBA (MIRBIS), Moscow

The article concerns the review of the book D. Guzevich, I. Guzevich "The Great Embassy: an epoch boundary or the beginning of the path of 1697–1698" (St. Petersburg : Publisher "Dmitriy Bulanin". 2008–2009-s. In 2 volumes.).

Key words: social net, weak and hard social connections, structural gaps.

Воронин Олег Львович – преподаватель Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС), Москва, e-mail: voronOL1@yandex.ru *Voronin Oleg Lvovich – Lecturer of the Moscow International MBA (MIRBIS), Moscow, e-mail: voronOL1@yandex.ru*